

8 ДЕКАБРЯ - 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ГИЛЯРОВСКОГО

Обыскался я тут как-то Большого Чернышевского переуллка - ни слуху, ни духу. Знал, что где-то в районе Никитских улиц он, но все поиски упирались в тупик: милиция меня подозрительно разглядывала и единообразно пожимала плечами, старожилы пенсионной наружности сосредоточенно морщили лбы.

РЕПОРТЕР ВСЕЯ СТОЛИЦЫ

А нужен был мне этот переуллок по той причине, что именно в нем помещалась редакция «Русских ведомостей» - газеты, где стал работать Владимир Алексеевич Гиляровский по приезде в Москву и которая с его появлением ярко вошла на фоне других московских газет. А было-то их в конце прошлого века аж две! Другая - «Московские ведомости» - слыла казенной, как тогда говорили, правительственной газетой и, кроме официальной информации, в ней и почитать-то нечего было. Вот я и разыскивал морозным предновогодним днем тот дом, где некогда кипели бурные газетные страсти.

И вдруг выплыло в памяти: а не тот ли это переуллок, что потом стал называться улицей Станкевича? Тот! Только и улицы такой теперь уже нет, а есть Вознесенский переуллок - тихий, коротенький, где ничто о великой московской газете вам не напомнит. Под номером 7 теперь, по-моему, новодел - невзрачная, безликая двухэтажка в пять окон во втором этаже. Но прелесть ее в том, что сохранилась: теперь здесь типография «Гудка» размещается.

И ушел я ни с чем отсюда. Разве только с огорчительной мыслью: что же у нас так неуважительно жонглируют укореившимися названиями улиц?.. И как это хорошо - прожить жизнь среди одних и тех же улиц, пусть меняющих облик, но зато свой дух сохраняющих...

Гиляровского пригласили в «Русские ведомости» с тем, чтобы оживить отдел московской жизни. Газету нередко называли «профессорской» и читала ее в основном интеллигенция. А жизни городской - скройной, однако же насыщенной и бесконечно интересной - на ее страницах не было вовсе. Вот владелец газеты В.М. Соболевский и рассчитывал на одаренного и оборотистого репортера, в недавнем прошлом - актера. А что? Репортеру нередко в разные игры играть приходится, и роли осваивать новые, и временами даже облик менять. Гиляровский как никто другой подходил для этих игр.

Первым делом у московского бригадиратора полковника С.А. Потехина он выхлопотал себе особую карточку, где главный московский пожарный собственноручно написал: «Корреспонденту В.А. Гиляровскому разрешаю ездить на пожарном обозе», благодаря коей он всегда первым из журналистов оказывался на месте происшествия.

Однажды, сразу после пожара, вернулся в редакцию, сел писать репортаж - хват, а нет любимых часов, отцом подаренных. В суматохе вытащили... Жутко тогда расстроился Владимир Алексеевич. А утром другого дня жена, вынимая из почтового ящика письма, обнаружила те самые часы с серебряной цепочкой и запиской при них: «Стырено по ошибке, не знали, что ваши. Получите с извинением».

Сейчас-то у нас как раз принято грабить знаменитых людей - другой нынче вор...

А самые-самые первые в Москве газеты - они же и во всей России первыми были. Сначала по-русски долго, основательно приглядывались к заграничным, как бы прощупывали: зачем, почему? Еще в царствование Михаила Федоровича в Москву доставляли более двадцати заграничных газет. Толмачи, особо при дворе для того содержащиеся,

переводили наиболее важное и интересное, переписывали от руки в «Куранты», которые можно считать первопродомом русских газет. И все же это еще была не газета. Сделать же печатное издание - и именно русское - из «Курантов», живших исключительно закордонной жизнью, надумал царь Петр Алексеевич. Не он бы - быть может, лет сто еще к газете приглядывались бы: кабы не вышло чего...

Сомнений у Петра не было: еще во время своего первого путешествия по заграничам обратил внимание, какой силой воздействия и каким влиянием обладали газеты. И 16 декабря 1702 года подписал решительной и быстрой своей рукой именное повеление о печатании в России газет. И всего через пару недель вышел в Москве первый номер «Ведомостей». Будто бомба взорвалась! Или нет: словно бы фейерверк запустили!

Нигде как будто не осталось сведений о том, каким тиражом вышли тогда «Ведомости». Печатались они церковными буквами (других-то и не было вовсе). Лишь через год заказал царь в Амстердаме другой шрифт - округлый, на латинские буквы похожий, чтобы легче читалось. И вмиг тираж десятки экземпляров скакнул. Сказывали, что Петр и сам любил иногда корректуру первой русской газеты держать: придирчиво правил, случалось, что-то дописывал...

А вот задумаетесь: что такое те тысячи экземпляров для такого-то града, как Москва тогда уж была? Малость. Газета удивила, может, и восхитила, а нельзя сказать, что кинулись к ней. Можно представить Петра Алексеевича, сердито свой ус подкручивающего... Тогда и сказал: «Наш народ, яко дети, не учения ради, но которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены будут, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят».

Раз сами не хотят газету читать - надо заставить. А может, лучше калачом поманить? И такое царь Петр выдумал, что и по сей час диву даешься. Устроил специальные рестораны - австерии, где задарма кормили, подносили чего душа по-

желает - только читайте газеты! А самое интересное-то оказалось, что рестораны не прогорели: маловато в Москве оказалось охочих грамотеев. Выпить да закусь угорваривать не приходилось, а вот к газете приобщить... Но она все же взяла свое! И любовь снискала, и власти добились. Те же «Русские ведомости», в которые Гиляровский вдохнул свежие силы, такой страх наводили на власти, что то и дело приостанавливали выпуск и закрывали даже по несколько раз в год. И не столько потому, что, как говорилось в одном из официальных обвинений, газета «заключает в себе крайне, в циничной форме, враждебное сопоставление различных классов населения и, в частности, оскорбительное отношение к дворянскому сословию», а потому что нежелательную для властей предержащих правду печатала. Ну, да строптивость характера на газетном роду написана. Без язвочки да без занозистости газета уже не газета, а промочкашка.

Как ни странно, день рождения первой российской газеты - 2 января 1703 года - долгое время оспаривался, подвергался насильственным пересмотрам всяким. И в прошлом веке еще некие академики утверждали бездоказательно, что вышли «Ведомости» в 1728 году - и были правы по-своему. Поскольку именно в то самое время впервые явились на свет петербургские «Ведомости». А московские к тому моменту уже четверть века насчитывали.

Слава богу, теперь утихомирились споры. А дом, где родилась первая русская газета, увидеть можно. Государев печатный двор, основанный около 1553 года при Иване Грозном и при поддержке митрополита Макария, сохранился частично в виде нынешнего «теремка», где помещалась когда-то правильная палата. Если пойти по Никольской от Лубянки, то по правую руку, во дворе дома 15, древнее строение можно увидеть. Крепкое такое сооружение, основательное, хотя и скромное совсем. Затаилось тут на задворках и поживает себе тихонько.

Леонид РЕПИН

Продавщица чулок.

Продавец замков.

Продавец блинов.

Бронзовый Гиляровский чем-то напоминал Тараса Бульбу - большой, в сдвинутой шапке, с длинными усами... Он сидел при входе на свою выставку, которая в честь его юбилея на днях открылась в Манеже, и словно всматривался во всех входящих - что за люди, какие они? Этим вопросом он задавался чуть ли не в каждом своем очерке.

Вернуть Москву Гиляровского, ее атмосферу решили и устроители выставки. По залу расхаживали девушки в шляпках и платьях прошлого века. Они терялись среди огромных букашек фигур из прошлого, скучившихся в центре экспозиции. Целый стенд заняли библиографические раритеты. Вот один из первых экземпляров «Трущобных людей»: практически весь первый тираж этой книги был по приказу цензуры запрещен «за правду» и сожжен. В небольшом салончике - подлинный афиши спектакля «На дне» и материалы об участии Гиляровского в этом событии. Конечно, фотографии старой Москвы... Старое кресло в углу... Самовар на столике... К сожалению, все это знакомо по многим другим выставкам. А нет бы воспроизвести с фигурами и вещами уголки Сухарева, Хитровки, по возможности - всего, чем жила Москва, перемешать все это с фотографиями и документами... Ведь наследие Гиляровского поистине огромно: сохранились книги с его автографами, первые издания произведений, переписка и воспоминания... И отдасть бы под эту выставку не крошечный второй этаж, а весь Манеж. Гиляровский это заслужил.

В ГОСТИ К МОСКВИЧУ

Впрочем, хорошо уже то, что выставка состоялась. Да имя Гиляровского никогда и не забывалось. Однако долгое время никаких значительных мероприятий, связанных с его именем, не проводилось. Нынешний его юбилей - радостное, объединяющее исключение. По словам заместителя председателя комитета по культуре города Москвы Александра Лазарева, в работе над этой выставкой с удовольствием приняли участие Музей истории города Москвы, Государственный литературный музей, Музей МХАТ имени Чехова, Российская государственная публичная библиотека имени Некрасова... В рамках юбилея пройдут выставки во многих музеях, библиотеках. Будут конференции и круглые столы. Жаль только, что из тех, кто знал Гиляровского, как он умел любить Москву и москвичей, уже никого не осталось. Но осталась квартира в Столешниковом переулке. Там сейчас живет его родственница Елена Абаренкова. «Вся обстановка, которая была при Владимире Гиляровском, сохранена, - рассказывает она. - Мы стараемся хранить и его заветы, передавать их поколения в поколение его отношение к городу, к людям, семье...»

Все потомки Гиляровского писали о Москве. Елена Абаренкова - первая, кто нарушил семейную традицию. Москву она... рисует. В рамках юбилейной выставки Гиляровского представлены и ее акварели. Вот уголок Арбата, домик на Пречистенке... И все словно само по себе, а не в этом сложном городе с его сумасшедшим ритмом, размахом и контрастами.

Москвы дяди Гиляя давно нет. Все смешалось в нашем городе. Вот и на Манеже на втором этаже выставка, посвященная Гиляровскому, а на первом кипит ярмарка меда. Вышла из Манежа - и уперлась взглядом в купол Охотного торгового ряда, совсем не такого, какой звал «неистового репортера». Но огляделась - и увидела, словно впервые, старый московский университет, и храм, и всю вытянувшуюся линию с колоннами, широкими ступенями, арочными окнами... Такое чувство, что стоит лишь немного отойти в сторону - и дверь во времени обязательно откроется. А там, возможно, встретит нас дядя Гиляя. Он басит, курит и, похотывая, рассказывает: «Огибаем Большой театр и Свердловский сквер по проезду Театральной площади, едем на широкую, прямо-таки языком вылизанную Охотнорядскую площадь. Несутся автомобили, трамваи, катятся толстые автобусы. Где же Охотный ряд?»

Наталья КУЗИНА

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

Ирина ГОРБАЧЕВА,

автор выставки, старший научный сотрудник Музея истории города Москвы:

- Гиляровский - это человек-символ. Потому что не просто жил в Москве или любил ее - он дышал этим городом и выплескивал свое дыхание на бумаге. Именно это мы и чувствуем по сей день.

Александр ЛАЗАРЕВ,

первый заместитель председателя комитета культуры города Москвы:

- Эта выставка - большой городской праздник. Люди будут приходить сюда вновь и вновь. Ведь они идут к дяде Гиляю, к человеку, который с Москвой - одно целое.

Михаил ШАПОШНИКОВ,

заведующий отделом

Государственного литературного музея:

- Мы многого не помним из нашей истории. Ко многому относимся легкомысленно. Мы ленивы и нелюбопытны. Но Гиляровский умеет увлечь всех. Его отличает умение говорить по-русски - красиво, богато по образам и по смыслам.

Зигурд ШМИДТ,

академик Российской академии образования:

- Гиляровский не был великим писателем. Но стал одним из самых известных и любимых писателей. Он писал о самых обыденных вещах и людях, но писал так, что это стало увлекательнейшим чтением. Ни один учебник москвоведения или краеведения не был создан без использования очерков и прозы Гиляровского. И его юбилей - праздник для всех нас. Потому что этот человек прежде всего невероятно любил людей.